

— Ты сейчас безработный, — Гу Цинчэн издал холодный смешок. — Какие у тебя могут быть дела?

— Безработный не может иметь дел? — Гу Цинфэн не сдержался и огрызнулся. — Если вы пришли по этому поводу, то лучше уходите. У меня действительно нет времени.

Как только Гу Цинфэн договорил, Госпожа Гу взяла чашку с чаем и плеснула ему прямо в лицо.

— Если бы не доброта Цинчэна, который хотел устроить семейное воссоединение на своей помолвке, ты думаешь, мы стали бы здесь унижаться и умолять тебя прийти? Ты правда о себе слишком высокого мнения!

Хотя чай успел остыть, он все еще был теплым. В тот момент, когда жидкость ударила в лицо, Гу Цинфэн почувствовал жгучую боль.

Гу Цинчэн в итоге все же отправился на этот банкет. И вовсе не из-за давления со стороны матери, а из-за Чэн Цзиньняня. Изначально он обещал Чэн Цзиньняню не приходить, поэтому, как бы Гу Цинчэн с матерью ни настаивали, он не давал согласия.

Однако, проводив их, Гу Цинфэн неожиданно получил звонок от Чэн Цзиньняня. Не успел он вымолвить и слова, как тот взревел:

— Гу Цинфэн, ты, черт возьми, правда думаешь, что я не посмею тебя тронуть?

Гу Цинфэн открыл рот, собираясь спросить, что именно он сделал, но вместо этого с языка сорвалось:

— Чэн Цзиньнянь, ты мастер только языком чесать. Жду, когда ты перейдешь к делу!

Сказав это, он сбросил вызов, не дожидаясь ответа. Телефон продолжал разрываться от звонков, но Гу Цинфэн больше не брал трубку. Он переоделся в праздничный костюм, тщательно уложил волосы и подумал: раз ты не хочешь меня видеть, раз я тебе противен, то я приду и выведу тебя из себя!

Приведя себя в порядок, Гу Цинфэн вышел из дома. Его лицо все еще было красноватым от того горячего чая, поэтому он долго прикладывал лед и мазал мазью, прежде чем следы стали менее заметными.

Банкет проходил в загородной усадьбе, куда съехалось множество знаменитостей. Когда Гу

Цинфэн протянул приглашение, охрана приняла его за обычного гостя и пропустила внутрь. О том, что он когда-то был женат на Чэн Цзиньняне, не знал никто, кроме них двоих, родителей Чэна и его помощника. Внешний мир считал Чэн Цзиньняня холостяком. Поэтому Гу Цинфэн часто натыкался на новости о его похождениях, но никогда не принимал их близко к сердцу. Он знал: несмотря на неприязнь, Чэн Цзиньнянь ведет себя достаточно сдержанно. Единственный человек в мире, которого тот опасался, — это Гу Цинчэн.

Добравшись до банкетного зала, Гу Цинфэн сел в укромном углу. До начала оставалось двадцать минут, и от скуки он засел в телефоне. Вскоре перед ним кто-то появился. Увидев колеса инвалидного кресла, он сразу понял, кто это.

Гу Цинфэн поднял взгляд на Гу Цинчэна, удивляясь, что тот нашел время искать его перед самым началом церемонии.

Гу Цинчэн язвительно усмехнулся:

— Разве ты не говорил, что не придешь? Почему же ты здесь?

Гу Цинфэн убрал телефон и невозмутимо ответил:

— Ты прав. Как твой старший брат, я обязан присутствовать на твоей помолвке и пожелать тебе всего хорошего.

Гу Цинчэн холодно рассмеялся, подался вперед и прошептал:

— Братец, столько лет прошло, а ты все такой же дурак?

Не успел Гу Цинфэн осознать смысл этих слов, как увидел вдалеке Чэн Цзиньняня. Тот нахмурился, заметив их, и окликнул:

— Цинчэн!

Услышав голос, Гу Цинчэн метнул в Гу Цинфэна злобный взгляд и тут же свалился с инвалидного кресла.

Гу Цинфэн остолбенел от увиденного. Он даже не успел прийти в себя, как подбежавший Чэн Цзиньнянь с размаху ударил его ногой, отбросив к дивану. Голова Гу Цинфэна с глухим стуком ударилась о стену.

Не обращая больше внимания на него, Чэн Цзиньнянь подхватил Гу Цинчэна с пола:

— Цинчэн, ты в порядке?

На болезненно бледном лице Гу Цинчэна отразилась печаль:

— Нянь-гэ, брат не нарочно, пожалуйста, не злись на него. Это все моя вина, если бы я не подошел к нему, брат не стал бы так сердиться.

Чэн Цзиньнянь посмотрел на него с нежностью:

— Цинчэн, ты слишком мягкосердечен. Даже сейчас ты пытаешься его оправдать.

— Нянь-гэ, послушай меня, пожалуйста, не вини брата, он не хотел.

Чэн Цзиньнянь нахмурился, глядя на бледное лицо Гу Цинчэна:

— Цинчэн, ты должен понять: есть люди, которых не исправить добротой. Он прогнал до мозга костей. Если бы я не пришел так вовремя, я даже боюсь представить, что бы он с тобой сделал.

— Нянь-гэ, я в порядке, я просто случайно упал, брат тут ни при чем.

— Цинчэн, я же видел все своими глазами! Долго ты еще будешь его защищать? — воскликнул Чэн Цзиньнянь. — Он не считает тебя братом, зачем ты так говоришь?

— Нянь-гэ, что бы ни было, он мой брат. Вы оба мне очень дороги, я не хочу, чтобы вы ссорились.

У Гу Цинфэна гудело в голове. Спустя долгое время он пришел в себя и услышал эти лицемерные слова, которые Гу Цинчэн произносил со слезами в голосе. Его затошнило, и он невольно издал тихий смешок.

Вокруг было тихо, поэтому звук отчетливо долетел до обоих. Гу Цинчэн, прильнув к груди Чэн Цзиньняня, торжествующе улыбнулся, глядя на Гу Цинфэна, словно говоря: Видишь? Он никогда тебе не поверит.

Гу Цинфэн, придерживая голову рукой, с трудом поднялся с дивана и направился к выходу. Сделав пару шагов, он услышал ледяной голос:

— Стоять! Кто разрешил тебе уйти?

Гу Цинфэн остановился и обернулся:

— Что тебе нужно?

Чэн Цзиньнянь усадил Гу Цинчэна обратно в кресло, прошептал что-то ему на ухо, вызвав застенчивую улыбку, и медленно направился к Гу Цинфэну. Тот невольно отступил на шаг. Чэн Цзиньнянь схватил его за воротник, притянул к себе и, сверкнув яростными глазами, похлопал по щеке:

— Гу Цинфэн, кто дал тебе право так поступать?

— Что ты хочешь сделать?

— Что я хочу сделать? — лицо Чэн Цзиньняня помрачнело. — Это я должен спрашивать, что ты, черт возьми, творишь!

— Я ничего не делал.

— Ничего? Тогда ответь мне, чем он перед тобой провинился? Как ты можешь быть таким жестоким? Зная, что у него повреждены ноги, ты толкнул его с кресла!

Он хотел сказать, что это Гу Цинчэн провинился перед ним тысячу раз; он хотел сказать, что ничего не делал; он хотел сказать, что Гу Цинчэн сам намеренно свалился.

В темных глазах Чэн Цзиньняня пылал гнев:

— Гу Цинфэн, я действительно тебя недооценивал!

— Я не делал этого.

— Чего не делал?

— Я не толкал его, — Гу Цинфэн поднял голову, в его глазах читалось упрямство. — Я сказал, что не толкал его!

— Нет? Может, он сам упал? — холодно отрезал Чэн Цзиньнянь. — Думаешь, я поверю твоим словам?

Гу Цинфэн знал, что даже если он скажет правду, тот не поверит.

— Если не веришь, зачем спрашиваешь?

Чэн Цзиньнянь внезапно схватил его за волосы на затылке, дернул назад и прошипел:

— Я хочу услышать правду! Почему ты вредишь Цинчэну? Неужели трехлетней давности тебе было мало? Его ноги и так искалечены, чего ты, черт возьми, еще хочешь?

Молчание Гу Цинфэна не вызвало жалости, лишь усилило гнев.

— Почему молчишь? Только что ведь твердил, что не делал этого. Объясняйся!

— Что объяснять? — Гу Цинфэн усмехнулся, в его глазах сквозила насмешка. — Чэн Цзиньнянь, ты уже вынес мне приговор, что мне еще объяснять?

Чэн Цзиньнянь отпустил его волосы и с силой ударил ногой в живот.

— Гу Цинфэн, я слишком тебя разбаловал, да?

Гу Цинфэн инстинктивно обхватил живот. Там... был их ребенок. Несмотря на то, что он решил избавиться от него, в этот миг он подсознательно хотел защитить его от жестокости Чэн Цзиньняня. Боль была невыносимой, он свернулся калачиком, судорожно хватая ртом воздух.

— Отвези меня... в больницу...

Чэн Цзиньнянь рассмеялся, словно услышал нелепую шутку. Он присел перед ним, похлопал по бледному от боли лицу:

— Что ты разыгрываешь? Я даже не приложил сил, неужели так больно? В больницу? Почему не попросишь сразу в морг?

Гу Цинфэн чувствовал, как внутри что-то обрывается. В этом углу никого не было, просить о помощи было не у кого. Гу Цинчэн точно не отвезет его в больницу. В своем отчаянии он мог лишь потянуться к Чэн Цзиньняню. Он уцепился за его брюки, почти умоляя:

— Прошу... отвези меня... в больницу...

Чэн Цзиньнянь оттолкнул его, а затем с деланным безразличием наступил на его руку. Жесткая подошва кожаного ботинка с силой вдавила пальцы в пол. Боль была такой, что дыхание перехватило.

Чэн Цзиньнянь остался доволен увиденным:

— Больше не попадайся мне на глаза. Считай это уроком!

Сказав это, он развернулся и покати кресло Гу Цинчэна прочь. В тот момент, когда они уходили, Гу Цинфэн увидел торжествующую улыбку на губах Гу Цинчэна.

Гу Цинфэн лежал на полу. Когда они ушли, он попытался подняться. Он твердил себе: нельзя сдаваться, с ребенком все будет хорошо, они должны выжить. Он не позволит Чэн Цзиньняню вот так топтать его достоинство. Чем больше тот хочет от него избавиться, тем меньше он получит желаемого.

Едва Гу Цинфэн поднялся, как почувствовал, что из него что-то вытекает. Боль заставила его снова упасть. Когда он уже думал, что умирает, перед ним возник человек и с ужасом воскликнул:

— Господин Гу?

Не успев разглядеть лицо, Гу Цинфэн потерял сознание. Перед тем как провалиться в темноту, он прошептал три слова:

— Спасите ребенка.

Больница.

Гу Цинфэн медленно открыл глаза в палате. На мгновение он не понял, где находится. Вспомнив все, он инстинктивно потянулся к животу. Его руку тут же мягко отвели в сторону:

— С ребенком все в порядке. Не двигайся, у тебя капельница.

Услышав это, Гу Цинфэн выдохнул. Повернув голову, он увидел Чэн Но, сидящего рядом.

— Это ты меня спас?

Чэн Но улыбнулся:

— Угу. Есть какие-то жалобы?

Гу Цинфэн покачал головой:

— Спасибо тебе. Ты уже второй раз меня спасаешь, я... я даже не знаю, как тебя отблагодарить.

— Не стоит такой вежливости, — рассмеялся Чэн Но. — Мы ведь теперь друзья, а друзьям не нужны формальности.

— Да, спаси... — Гу Цинфэн смущенно улынулся. — Опять я забыл.

Чэн Но нашел его очень интересным и невольно рассмеялся. Помолчав немного, он встал:

— Забыл спросить, пить хочешь? Губы совсем сухие.

— Ты же врач, — Гу Цинфэн позволил себе редкую шутку, — а за больным ухаживать не умеешь.

Чэн Но налил воды, помог ему сесть и протянул стакан. Когда Гу Цинфэн допил, он забрал стакан, поставил его на стол и коснулся лба пациента:

— Жара уже нет.

Гу Цинфэн замер:

— У меня была температура?

— Да, но небольшая. Из-за беременности я не рискнул давать много лекарств, но, к счастью, все прошло.

Гу Цинфэн снова хотел поблагодарить его, но Чэн Но опередил его:

— Если правда хочешь отблагодарить, как-нибудь угостишь меня ужином.

Тот спас его дважды — Гу Цинфэн был готов согласиться на что угодно.

— Хорошо, как выпишусь, обязательно приглашу.

Чэн Но кивнул, глядя на него с явным желанием о чем-то спросить.

— Что-то случилось? — спросил Гу Цинфэн.

— Да нет, ничего. Ты голоден? Может, перекусишь?

Гу Цинфэн почувствовал, что тот хочет что-то сказать, и прямо спросил:

— Ты хочешь о чем-то меня спросить?

Чэн Но вздохнул:

— Я хотел спросить, но не хочу лезть в чужие дела. Если не хочешь — не отвечай.

Гу Цинфэн догадался:

— Ты хочешь знать, почему я потерял сознание?

Чэн Но посмотрел на него:

— Кем тебе приходится Гу Цинчэн?

При упоминании этого имени Гу Цинфэн побледнел:

— Он мой младший брат.

Чэн Но кивнул:

— Вы очень похожи.

— Да, — горько усмехнулся Гу Цинфэн, словно вспомнив что-то. — Раньше мне уже так говорили.

Похоже, Чэн Но заметил, что у того испортилось настроение, и больше не задавал вопросов. Гу Цинфэн боялся, что если тот спросит про Чэн Цзиньняня, он не будет знать, что ответить.

Он провел в больнице больше недели. Все это время Чэн Но заботился о нем. После ухода от

Чэн Цзиньняня у Гу Цинфэна не осталось ни одного знакомого, не говоря уже о том, чтобы кто-то мог о нем позаботиться. Появление Чэн Но стало ярким светом в его унылой жизни. Никто и никогда не был к нему так добр без всяких условий, и он был бесконечно благодарен.

В день выписки он поблагодарил Чэн Но раз десять, пока тот не попросил его остановиться. Чэн Но проводил его до выхода и поймал такси. Он настаивал на том, чтобы отвезти его домой, но Гу Цинфэн, зная, что у врача срочная операция, отказался.

Перед тем как сесть в машину, Чэн Но напомнил:

— Не забудь про ужин. Если что-то случится — звони.

Гу Цинфэн улыбнулся:

— Хорошо, как освободишься — дай знать.

— Ладно, езжай. Мне пора готовиться к операции.

— До встречи.

Когда Гу Цинфэн сел в машину, он увидел проезжающий мимо знакомый автомобиль. Если он не ошибся, это была машина Чэн Цзиньняня. Боль, причиненная этим человеком, была настолько глубокой, что одно только упоминание его имени вызывало страх.

Вернувшись домой в тревоге, он, едва выйдя из лифта, увидел человека у своей двери. Тот прислонился к косяку, покуривая сигарету. Увидев его, он усмехнулся:

— А я уж думал, ты не вернешься!

Гу Цинфэн ненавидел запах табака. Раньше, когда он жил с Чэн Цзиньнянем, он всегда подстраивался под него и никогда не жаловался на курение. Но теперь все изменилось, и он невольно поморщился.

Чэн Цзиньнянь, заметив это, недовольно прищурился:

— Что такое? Не нравится запах? Помнится, раньше ты был в восторге.

Гу Цинфэн молчал, сжав губы. Чэн Цзиньнянь подцепил пальцем его подбородок:

— Не делай такое лицо, ты вызываешь у меня отвращение!

Гу Цинфэн усмехнулся:

— Господин Чэн, вы так шутите? Это мой дом, и я буду вести себя так, как захочу. А раз вы пришли сюда и вам так противно — не вы ли сами создали этот повод для отвращения?

Чэн Цзиньнянь затянулся и выпустил дым ему в лицо:

— Ты угадал. Я пришел именно за этим. Открывай!

Гу Цинфэн не хотел открывать, но, не желая устраивать сцены в коридоре с пакетами из больницы в руках, подчинился. Как только дверь открылась, Чэн Цзиньнянь втолкнул его внутрь, прижал к двери и, не дав опомниться, вонзил зубы в его шею.

Гу Цинфэн вскрикнул от боли и попытался оттолкнуть его:

— Чэн Цзиньнянь, ты сошел с ума? Ошибся адресом?

Видимо, слова разозлили его еще сильнее: Чэн Цзиньнянь вдавил горящий окурок в его плечо и держал, пока тот не погас.

<http://bllate.org/book/20420/2039748>